

ВРЕМЯ НА РАБОТУ ЗАСЕКАЕТ НА ЛЮБИМЫХ ЧАСАХ ВЛАДИМИР КЕХМАН, ГЛАВА МИХАЙЛОВСКОГО ТЕАТРА



СЕРГЕЙ КИСЕЛЕВ

я считаю, что единственное украшение, которое может позволить себе мужчина, — это дорогие часы. мода нынешних миллиардеров носить копеечные меня не трогает. первые свои дорогие часы — это были Cartier — я купил в начале 1990-х. и заболел часами. тогда каждые два-три года выпускали новые классные марки, и я их тут же покупал. в 1994-м — свой первый турбийон,

потом второй, потом еще один, потом часы с репетиром. скопилась целая коллекция — несколько десятков. а где-то в 2004-м я к часам охладел — с того времени количество выпускаемых высококлассных часов стало зашкаливать за все разумные пределы: степенное развитие отрасли закончилось, началась большая гонка — моделей, цен. а когда у меня появился театр, это вообще потеряло смысл. вот сейчас, например, мы докупили 45 новых софитов. и стоило это €360 тыс. — как раз столько, сколько приличные часы.

7–10 минут **Разговоры с начальством**

На разговоры с начальством — минимум времени. Любим. Это делается так. Вхожу в кабинет. Формулирую проблему. Получаю ответ. Ухожу. На все — 7 минут. Если — что бывает очень редко — ответ меня не совсем удовлетворяет, формулирую немного по-другому. Тогда выходит 10 минут.

50 минут **Внутритеатральный субботник**

Наше традиционное внутритеатральное субботнее совещание. Субботнее потому, что никто не отвлекает — у всего города выходной день. За 20 минут мои ближайшие помощники выкладывают все накопившиеся за неделю тактические вопросы — административные, хозяйственные, творческие. А я их решаю. За 10 минут разруливаю ситуации, требующие безотлагательного вмешательства — от сбрасывания снега с крыш до бытовых проблем артистов. Остальные 20 минут идут на обсуждение задач на следующую неделю.

3 или 4 часа **Художественный совет**

Худсовет требует времени. Два или два с половиной часа (зависит от протяженности спектакля) смотрим генеральную репетицию новой постановки. Полчаса уходит на «обсер» (как любит говорить Галина Борисовна Волчек). После того как все высказались, решаем — закрыть спектакль или дать ему жизнь. Если закапываем, то за полчаса должны зачать новый. Так недавно вместо «Севильского цирюльника» у нас родилась «Богема».



Patek Philippe Moscow Sky — астрономические наручные часы. Это мои последние часы. Я купил их случайно. Вернее, скажем так, поменялся: один человек дал их мне взамен на то, что я дал ему (не будем уточнять, что именно). Они невероятно красивы. Дивный циферблат: я вообще небо люблю, а звездное — особенно. И размер мне нравится. И как они на руке сидят. И Patek Philippe — отличная марка. И еще мне кажется, что такие часы очень подходят директору театра.



Rolex Oyster Perpetual Day-Date — старейшие мои часы. Были самыми дорогими в моей коллекции. В очень трудное для меня время я хотел их продать одному знакомому за полцены. Был уверен, что он их возьмет, и деньги у него такие были. Но он не купил. Сказал, что это неправильно — покупать с руки. В смысле — нельзя использовать человека, когда он в крайности. Тогда, слава богу, я сумел переломить ситуацию. И теперь очень рад, что часы остались у меня. Сейчас их носит моя жена. Но я бы хотел, чтобы они перешли моему старшему сыну. Чтобы он носил их хотя бы время от времени — эти часы мне очень дороги.



Breguet из коллекции Classique Grandes Complications из 18-каратного желтого золота с турбийоном и вечным календарем. Механизм с ручным заводом. Люблю носить их летом. Хотя как раз летом с ними произошла неприятность. Я их тогда только что купил, шел по набережной где-то на юге Франции, размахивал руками. Вдруг — бах! — ударился запястьем о часы случайного прохожего, даже не заметил, кого именно. Смотрю — мое сапфировое стекло вдребезги! Все в трещинах... Новое стекло у меня появилось месяцев через восемь... Пришлось ждать.